

КЛИНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕСТРУКТИВНЫХ СТОРОН НАРЦИССИЗМА

ГЮНТЕР Х. ЗАЙДЛЕР*

В нашей статье (Зайдлер, 1994б), опубликованной в сборнике работ по проблеме деструктивных сторон нарциссизма (Зайдлер, 1994а), мы сделали вывод о том, что у некоторых людей существует совершенно определенная психодинамическая организация, которую можно было бы обозначить как **нарциссическую**. Эта организация должна быть определена как **деструктивная** по способу функционирования, а не по своей интенции или цели. В работе описывается ее характерная психодинамика, представлены связанные с ней картины заболеваний, делается акцент на некоторых формах проявления основной динамики в социуме.

БАЗОВАЯ ПСИХОДИНАМИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО НАРЦИССИЗМА

Понятие «*деструктивного нарциссизма*» было введено в 1971 году Розенфельдом (Rosenfeld), чтобы обозначить особое психодинамическое развитие у определенных пациентов. Оно состоит

«... в идеализации деструктивных аспектов Я (Self) и подчинении им; они подчиняют себе положительные и зависимые аспекты Я и удерживают их... Они противопоставляются любому либидинозному отношению между пациентом и аналитиком» (Розенфельд, 1987, с.147).

В настоящей работе я пользуюсь основным определением «*деструктивного нарциссизма*» Розенфельда и во многом следую ему в понимании его динамики, но стараюсь в своих формулировках оставаться в контексте переживаний, чтобы не злоупотреблять нежелательным здесь мифологическим стилем психоаналитической психотерапии.

Делая различия между либидинозными и агрессивными аспектами нарциссизма, Розенфельд выделяет конструкции, введенные в 1921 году Андреас-Саломе (Andreas-Salome) и сформулированные как «двойная на-

* *Зайдлер Гюнтер Х.* – психоаналитик, руководитель балинтовских групп, главный врач Психосоматической Университетской Клиники Гейдельберга.

правленность» нарциссизма. Обнаруживается параллель с определением «двойной ориентации» (1971) Грунбергера (Grunberger). Подразумевается следующее: по Андреас-Саломе, нарциссизм характеризуется «двойным способом достижения самоутверждения и наслаждения...» (с.369). В смысле выделения индивидуальности нарциссизм представляет собой «чистое себялюбие» (с.363), «двойственность» же (с.363) в одновременной тенденции «самоощущения» (с.365) в «нерасчлененном единстве субъект-объект» (с.368). Подобным же образом «...двойную ориентацию...» нарциссизма подчеркивает Грунбергер (с.15):

«Переживание... которое человек пытается повторить – это его пренатальное существование, – ситуация, из которой он драматическим образом был изгнан и которую он пытается вновь обрести в течение всей своей жизни» (с.22).

Парадоксальность «двойной ориентации» в том, что первичны не поиски смерти, а поиски жизни – зачастую в самой смерти. Они представляют собой феноменологическую поверхность динамически действующей, а иногда и субъективно переживаемой потребности и продиктованы деструктивной стороной нарциссизма: осознанно или неосознанно преследуемая цель – сохранение идеала гармонии, чистоты и согласия – а реализуется деструктивность, в которой исходная цель – совершенство – проявляется только в радикализме и жестокости.

Большое разнообразие литературных изысканий по этой теме можно найти у Канцлера (Canzler) (1994), Зайдлера (Seidler) (1994б) и Тремплера (Trempler) (1994). Мы не будем рассматривать их здесь по отдельности; общим у них является попытка концептуализировать соединение *регрессивных тенденций с деструктивностью и идеализацией*.

В нашей модели динамика деструктивного нарциссизма понимается как некое структурно-специфическое «разрешение» эдипова конфликта. Традиционное разделение на «раннюю» и «зрелую» психодинамическую конфигурацию доказало свою полезность, и от него не следует отказываться. Однако в моем понимании оно касается не специфики созревания, а способностей к *переработке и разрешению конфликтов*, которые, будучи заданными историей жизни, должны снова и снова преодолеваться на каждой психосексуальной ступени развития. В своей модели я исхожу из реальности доэдиповых и эдиповых структурных уровней, для которых также характерны определенные *модальности обработки и переработки*. Содержания конфликтов, подлежащие переработке, определяются историей жизни и, говоря метафорически, им соответствуют телесные зоны («оральная», «анальная» и «генитальная»). Наиболее важным представляется содержание эдипова конфликта, который, привнося триангулярность, появляется по меньшей мере начиная со страха перед незнакомцем. Его *развертывание* на уровне триадных отношений целостной личности формирует ее саморефлексивность (Seidler, 1995). Нижеследующее представление типичной динамики деструктивного нарциссизма концентрируется на выявлении *динамики переработки в тематику эдипова конфликта*. При

этом разрабатывается концепция лежащей в его основе психодинамики мышления с точки зрения психологии развития. Использование при этом речевой модальности не следует все же понимать как описание онтогенетического становления, – в его основу положено понимание генеза, в соответствии с которым генетическое описание должно пониматься как модель определенной психодинамики, спроецированная на историю жизни индивидуума. Этот подход учитывает, к примеру, выраженный Цурифом (Zuriff, 1992) скепсис относительно связывания напрямую результатов современных исследований грудных детей с процессами окончательного формирования при создании психоаналитической теории.

Я исхожу из того, что в основе человеческого переживания как условие его существования лежит базовое событие, которое можно обозначить как *разрушение нерасчлененности*. Через способность к переживанию Я и Не-Я – основу объектного освоения мира, это разрушение, с одной стороны, формирует *осознанность*, а с другой – обуславливает фантазии бессознательного угасания в нерасчлененном единстве. Реализация разрыва, «разрушения действительности» (Wurmser, 1989) представляется радикалом, присущим человеку; по всей видимости, она достигается в процессе эволюции; невозможно определить происхождение этой базовой способности психоаналитически.

Соответственно присущей человеку является и необходимость закрытости – или, по крайней мере, преодоления образовавшегося «разлома»: для этого служит мир символов. Обе тенденции как к разрушению единства, так и к символическому преодолению разрыва, обусловлены влечениями: в другом исследовании (Seidler, 1995а, б) в рамках модификации традиционной концепции влечений мною было выдвинуто предложение, что целью либидинозного влечения является *осознание*, которое проявляется во взаимном межличностном познании. Если допустить, что это постулированное разрушение, происхождение которого нельзя объяснить психоаналитически, предшествует психическому переживанию, то это даст возможность соединения с классической психоаналитической традицией: *генез* системы влечений в понимаемом психоанализом смысле необъясним; предметом психодинамически ориентированных профессиональных обсуждений является только описание *действия* процессов влечения. Следуя данному представлению, было бы логично признать существование тенденции, противоположной стремлению к осознанию. Данная тенденция, будучи вытесненной в область бессознательного или сдерживаемой, теоретически только тогда имеет смысл, когда считающееся базовым разрушение действительности потенциально возможно. Предметом настоящей работы является амбивалентное взаимодействие обоих влечений в нарциссизме.

Для того, чтобы произошло осознание, необходима некая точка отсчета, которая позволяет различить идентичность и неидентичность. Биографической парадигмой данной конфигурации, на мой взгляд, является уже упоминавшаяся *конstellация страха перед незнакомцем*. Уже пережитое прежде чувство отвращения организуется теперь как «чужое лицо» и лока-

лизуется во внешнем мире.

Многие авторы (Goldberg, 1991; Nathanson, 1987, 1992; Tomkins, 1963) рассматривают ситуацию боязни незнакомца как рудимент ситуации стыда. В понимании этих авторов некий неожиданный элемент, идентифицированный как чужой, прерывает процесс возбуждения, нацеленный на блаженную согласованность; субъект, выступивший иницирующим началом, отбрасывается к самому себе. Обнаружение того, что реальная цель отличается от субъективно представляемой, ведет к рефлексии аффекта стыда, который, как конфигурацию, следует рассматривать до или вне любого содержательного определения «доброе» или «злое». Это представление отличается от точки зрения, к примеру, Вюрмсера (Wurmser, 1990), понимающего аффект стыда как *негативный*. Человеку с преимущественно нарциссической конфигурацией характера недостаточно чувства стыда как аффекта, различающего «чужого» и «своего». Исходя из бессознательной фантазии о ненарушенной согласованности как норме, другие люди воспринимаются в такой степени чужими, что либо стыд становится преобладающим переживанием, либо фантазия о нерасчлененности представляется осуществленной, что проявляется как явное *отсутствие стыда*. Часто основным в переживаниях является базовое чувство *перекоса*, которое качественно противоположно *отсутствию аффекта стыда*, который указывает прежде всего на нехватку гармонии. Понятие *перекоса* взято из геологии и означает смещение двух горизонтальных слоев относительно друг друга. В переживаниях это является результатом осознания разрушения, *перекоса* первичной нерасчлененности: это базовое чувство несогласованности, плохости. Я имею в виду, что это чувство можно понимать как предшествующее чувству вины, которое может как таковое, в своей зрелой форме, сформироваться только на триадном уровне переживаний целостной личности, а именно тогда, когда субъект обнаруживает, что он исключен из реализованной в фантазиях гармонии двух партнеров. Как чувство стыда, так и чувство вины отсутствует на уровне нарциссической психической конфигурации. При этом выпадение чувства стыда касается регуляции отношений в зоне напряжения «чужой» или «свой»; а отсутствие чувства вины больше отражается на регуляции *активного* поведения по отношению к общепринятым рамкам интимности.

В моем понимании это чужое лицо теперь все больше превращается в имаго незнакомца. Аффективное освоение образа колеблется в соответствии с колебаниями значения латинского «alter». Вначале подразумевался «другой» – из двух, затем все более усиливается тенденция обозначать этим словом «чужого».

Это аффективное смещение соответствует качеству аффекта стыда: как я попытался показать, стыд сначала проявляется при каждом разделении на «доброе» и «злое» как отражение неидентичного взгляда визави. И лишь затем «оценка» превращается в «осуждение».

Так, описанная Андреас-Саломе двойная направленность нарциссизма соответствует двуликости чужого; с одной стороны, он должен стать объектом психических переживаний, он является тем, что позволяет путем от-

брасывания назад, отражения на собственную исходную точку, более сильно развиться тому, что позднее можно будет назвать «Я», он приобретает ценность и служит либидинозным целям влечений, ведущим к осознанию. Но в то же время чужой свидетельствует о разрушении нерасчлененности и стоит на пути влечений Танатоса к не-осознанию.

Появление чужого вводит три элемента, образующих «трехчленную констелляцию»: субъект со своей интенциональностью, его цель – гармония, то есть *идеализация*, и в качестве третьего элемента – *реальность другого/чужого*, стоящего на пути достижения цели. Биографические формы этой констелляции на каждой психосексуальной стадии развития выражаются характерными конфликтами и способами переработки конфликтов.

Этот тезис следует проиллюстрировать некоторыми психодинамическими процессами, которые принято относить к анальной стадии. В этот период впервые – вследствие активности ребенка – возникает объект, который по своей *функции* становится самостоятельным: ему придается интерактивное значение, которое ребенком, создающим этот объект, контролируется уже не полностью. Условием появления этого объекта является наличие сфинктера, он отделяет внешнее и внутреннее, воспринимаемый и переживаемый *внутренний телесный мир и социальный внешний мир*. Основываясь на переживаниях двухлетней девочки, Айке-Шпенглер (Eicke-Spengler, 1988) наглядно описывает развитие фантазий о женском сексуальном пространстве. Функции «раз-решения» и «раз-личения» сродни выделительной функции; различия идентифицируются, и обнаружение разницы между полами может рассматриваться как дальнейшее развитие предшествующего различия на «свое» и «другое». Телесной возможности контроля изнутри и снаружи в символическом пространстве соответствует

«... приобретение семантического нет-жеста, который свидетельствует о том, что ребенок приобрел способность оценивать и начал воспринимать себя самого...» (Spitz, 1957, с.122).

Пиаже (Piaget, 1936) относит к этому периоду жизни обнаружение причинности и «времени». Современные исследования по концептуализации психодинамики этой зоны, в обычной речи называемой «анальностью», в основном обращены к развитию Я как рефлексивной структуры; ребенок обретает способность воспринимать себя как объект. В моем понимании это служит основой интернализации и формирования структуры (Seidler, 1995б) через включение опредмеченного взгляда визави. Направление развития этого отрезка жизни сводится к формуле: *от отношений обмена во внешнем пространстве к символически опосредованному формированию структуры во внутреннем пространстве*.

Эти процессы интернализации, то есть главным образом включение взгляда визави как *психической инстанции самовосприятия, самонаблюдения и самооценки*, приводят к тому, что зло, первоначально сконцентрированное вовне, становится составной частью внутреннего пространства – новый этап в «изменении образа чужого». Но на этом уровне оно скорее

является внеличным и не представляет собой индивидуализированную личную способность переживать чувство вины и ответственности.

На стадии боязни незнакомца это еще вербально несимволизируемое лицо другого, которое между интенциональностью субъекта и достижением его цели выступает в неразрывном единстве с воспринимаемым визави; на этой стадии развития символическое «нет», и исходящий из этого «пра-слова» символический мир речи фиксирует присущим ей способом разрушение не символически отражаемой данности. Если же допустить «изменение образа» психических явлений (Seidler, 1995a), то лицо незнакомца и символическое «нет» можно понимать как способы выражения функций эдипова отца на прегенитальной стадии развития.

Эдипова стадия, то есть сексуальность целостной личности ребенка выдвигает новые требования. Уже переработав *«разрушение нерасчлененности»*, теперь нужно заново выстроить ее на *«триадном уровне»*. Необходимость переработки триангулярных конфигураций возникает на каждой стадии развития, начиная со страха перед незнакомцем. Только удачное прохождение эдиповой стадии дает репертуар репрезентаций целостной личности – только на его основе возможна адекватная переработка эдиповых содержаний. Тогда содержание и переработка становятся скрытыми, что затрудняет различение эдиповой переработки и эдипова содержания. На мой взгляд, неудавшаяся попытка переработать эдипово содержание средствами, характерными для раннего нарушения, является признаком деструктивного нарциссизма. Такое понимание позволяет придерживаться концепции дихотомизации «ранних» и «зрелых» нарушений и одновременно обнаруживать общее. Пациенты с динамикой «деструктивного нарциссизма» пытаются найти решение эдиповой тематики средствами, которые они смогли приобрести в течение жизни – как же иначе? С точки зрения психологии развития, переработку триангулярности можно представить происходящей следующим образом: в период боязни незнакомца было возможно путем проекции локализовать помеху вовне. Впоследствии в аморфном образе после «разделения» она может быть локализована в телесно-психическом внутреннем пространстве. В контексте эдиповой проблематики ребенок личностно оказывается *исключенным* из существующих в фантазиях отношений. Они формулируются в терминах «первичной сцены» и перерабатываются как «доказательство» того, что до сих пор не достигнутая идеальность все-таки возможна. Учитывая отношения двух людей, как правило, родителей, ребенок должен теперь себя самого как цельную личность рассматривать как чужого, то есть он должен себя самого объективировать как другого, воспринять себя с точки зрения двух других участников триадной констелляции как предмет и интернализировать эту картину.

Таким образом, в моем понимании первичной сцене на этом уровне развития противопоставляется рефлексивное отношение к себе как самообъективация целостной личности. В случае удачного развития приобретается новое личностное качество, которому соответствует биографический отец с приписываемыми ему функциями определения норм, границ и пра-

вил, который закрывает путь в этот вымышленный рай. Анализируемые здесь пациенты с преобладанием деструктивных сторон нарциссизма на этой стадии не выдерживают именно «переживания перекоса» этого изменения личностных отношений. В случае удачного развития установка границ может происходить сама собой, обращение со «злым» может быть выработано и переработано посредством внутренних способностей к сопротивлению и защите. Если этого не происходит, то проявляются деструктивные стороны нарциссизма. То, что закрывает путь к предполагаемой идеальности, интегрированности с другими, убирается с дороги в интересах достижения идеала. В плане динамики здесь речь идет о разрушении «третьей стороны» на всех стадиях ее формирования. В результате появляется то, что Мичерлих (*Mitscherlich*, 1963) описал как существенный признак «общества без отца». Ризман (*Riesman*, 1950), говоря об «одиноким массе», по-видимому, имел в виду нечто сходное; Маркузе (*Marcuse*, 1964) также рассматривает этот аспект в концепции «человека в одном измерении». Характерно стремление элиминировать «отца» и уничтожить границы и правила. С перекоса «нет» начинается процесс де-символизации; место дискурсивной, постепенно развивающейся дигитальной речи, занимают знаки насилия, которые можно воспроизвести «единым махом».

КЛИНИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ БАЗОВОЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ НАРЦИССИЧЕСКОЙ ПСИХОДИНАМИКИ

Психоаналитики и психоаналитически ориентированные психотерапевты зачастую не придают классификации симптомов большого значения; их усилия направлены на попытку понять индивидуальную характерную динамику пациента. Диагностические руководства (DSM III и III-R, American Psychiatric Association 1980/1987; ICD 9 и ICD 10, Всемирная организация здравоохранения 1978 и 1987), напротив, ориентированы на психиатрические описания; в них делается попытка на возможно более эмпирическом уровне дать диагностические определения. Возможно, именно такое понимание психодинамики в психоанализе и психотерапии и игнорирование симптоматического уровня в диагностике привело к тому, что собственно систематика *клинических картин* деструктивных сторон нарциссизма в литературе, похоже, отсутствует. В данной работе также не проводится систематического эмпирического обоснованного исследования связи симптоматики и психодинамики. Можно лишь сослаться на клинический опыт, в соответствии с которым на феноменологическом симптоматическом уровне производится разделение на две, а возможно, и на четыре группы.

1. *«Громкая» картина симптомов деструктивной нарциссической психодинамики.*

Небольшой пример, иллюстрирующий мысль:

Восемнадцатилетний владелец аттракциона без образования, расставшись со своей подругой, по ее инициативе встретился с ней в дискотеке. Они провели там вечер, а на обратном пути молодая женщина по-

требовала от мужчины близости. Молодой человек оказался импотентом: «И тогда я ее просто раздавил», – сказал он бесцветным голосом, описывая ее убийство в нашей беседе, которую я проводил с ним в рамках психиатрической экспертизы по вопросу о его вменяемости. Он в буквальном смысле слова сровнял с землей свою бывшую подругу. Невыносимым оказалось для него чувство стыда из-за высказанного ею желания расстаться, организованной ею новой встречи и переживание своей импотенции. «Она» олицетворяла психическую и символическую чуждость незнакомых ему чувств; он избавился от них, убив ее.

Речь идет о том, чтобы убрать «с дороги» содержание переживаний, идентифицируемое как чуждое. Целью является создание гармоничного, субъективного целостного мира, не контаминированного ограничениями, обидами или чуждыми переживаниями. На поверхностном уровне может обнаруживаться открытое насилие по отношению к другим людям и/или к себе самому: в случаях суицида зачастую слишком мало учитывают возможный мотив «исчезнуть с лица земли», чтобы спасти идеал, особенно если преобладает мнение, что пациент – обуза для других, или не может вынести их мнение, что он другой. Открытые психотические симптомы, как правило, отсутствуют; способность к символизации аффективного переживания сильно ограничена.

2. «Тихая» картина симптомов деструктивной нарциссической психодинамики.

Симптоматика этих пациентов проявляется «тихо». У них практически отсутствуют внешние контакты с другими людьми, они живут все более уединенно в мире компьютерной техники и музыки в наушниках; с ними трудно установить взаимный аффективный контакт. Регуляция удовольствия-неудовольствия сужена; знание о том, что «плохо», потеряно; и когда они говорят, что бывает редко, они открыто не жалуются. Кроме того, при попытке проникнуть в их внутренний мир, разговоры, как правило, бессмысленны: ведь обоим партнерам все давно известно! В силу отсутствия осознанной фантазии о нерасчлененности собеседнику приписываются собственные мысли и чувства. Собственная активность исследователя может у него принять форму заботы, возможно и любопытства или участия, довольно механистичному миру фантазий в контрпереносе соответствует, как правило, транс и мечтательность. Подозрительность или застенчивость диагностируются в пределах от «истерического невроза» через «навязчивые структуры» до предполагаемой вялотекущей шизофрении. Если удастся вступить с ними в разговор и установить анамнез, зачастую выясняется неутешительная картина одиночества и/или пережитого в детстве насилия.

3. Психосоматическая картина симптомов деструктивной нарциссической динамики.

При современном состоянии психосоматических исследований, в особенности из теории, рискованно связывать «нарциссизм» и психосоматические заболевания. Более распространенным является по-

верхностный взгляд, ориентированный на процессы приспособления или переработки телесных заболеваний, который сложно связать с классическими положениями психосоматики. По нашему мнению, гипостазирование органодеструктивного события как эквивалента, выражения или следствия не ощущаемой деструктивности в качестве ядра психосоматического заболевания, весьма правдоподобно, даже учитывая невозможность в настоящее время ни теоретически, ни эмпирически подтвердить эту гипотезу. Этот постулат содержит представление о процессе, в рамках которого на несимволическом субстратном уровне проявляется отрицание либидинозного влечения в описанном выше смысле – «осознание, проявляющееся в интерактивном *взаимном узнавании*»: молекулярные биохимические процессы приводят к органодеструктивным явлениям. В моем понимании, этот гипотетически допускаемый процесс намечает будущие перспективы психоанализа психосоматики. Его развитие на эмпирической базе представляется возможным, если в его основу положить представление о том, что дихотомизация на душевные, духовные, психические и субстратные, материальные процессы стала несостоятельной и должна рассматриваться как отражение некоего исходного события. Связь этих областей могла бы быть представлена так, что сознание, и, как более высокая ступень, – самосознание – рассматриваются как специфические формы проявления неорганической материи. Эта мысль имплицитно содержится в «Рассуждении о методе» Декарта (1637).

4. Деструктивно-нарциссическое взаимодействие в отношениях пары как картина проявления деструктивной нарциссической динамики.

Вилли (Willi, 1975) описал характерные картины взаимодействия в отношениях пары, в том числе и «нарциссический конфликт». Клинические наблюдения позволяют распространить эту модель на деструктивно-нарциссический модус отношений. При этом разрушение «другого» участника интеракции близко к завершению, но деструкция как бы «зависает». Этот тип отношений позволяет контролировать деструктивные импульсы во внешнем интерактивном пространстве: каждый раз, когда визави реально и/или в представлении почти потерян, вступают в силу репаративные процессы и приводят к отношениям «Jo-Jo». Я имею в виду, что отношения такого рода поддаются лучшему пониманию, а, возможно, и терапевтическому воздействию при концептуальном использовании модели «деструктивного нарциссизма», чем при обозначении их как садомазохистской конфигурации.

Можно предположить, что, возможно, даже у целых семей на протяжении нескольких поколений в характерном для них стиле взаимодействия ведущими являются деструктивные стороны нарциссизма. Во всяком случае, как групповой терапевт я имею постоянную возможность наблюдать деструктивно-нарциссические феномены в терапевтической группе. Но они проявляются и в определенных формах в больших социальных структурах.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ДЕСТРУКТИВНЫХ НАРЦИССИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В выпущенном мною (*Seidler, 1994a*) сборнике статей о деструктивных сторонах нарциссизма Канцлер (*Canzler, 1994*), Гресс, Ахиллес и Зеель (*Gress, Achilles, Seel, 1994*) и Овербек (*Overbeck, 1994*) особое внимание уделили вопросу о том, каким образом деструктивные стороны нарциссизма проявляются в социуме, и, наоборот, нельзя ли объяснить определенные общественные феномены, используя концепцию деструктивного нарциссизма. При этом следует принципиально учитывать трудность применения разработанного на индивидууме представления динамической модели к надличностным феноменам: в социуме действуют не только динамические процессы отдельных составляющих его индивидов, но и целый ряд других детерминант, для анализа которых в методическом плане требуется совсем другой инструмент, чем тот, которым, как правило, располагает терапевт. Но и с учетом этих ограничений некоторые феномены могут быть характерными для общественной формы этой индивидуальной психодинамики: отправной точкой должно быть указание на вездесущность определенной мимической реальности, которая активно и/или пассивно хорошо известна. Речь идет об аффектах, которые в английском языке несколько лучше дифференцированы, чем в немецком: *dis-smell, dis-taste* и *dis-gust*. В немецком языке эти различия вместе мы рассматриваем как аффект *отвращения*, который на языке мимики выражается как антипатическое восприятие чуждого на базовом телесном уровне, и стремление от этого дистанцироваться. По моему мнению, следует исходить из того, что в основе реализации этой тенденции лежит действие влечения. Я хотел бы выразиться точнее и предположить, что здесь действует некое влечение, прямо противоположное либидинозному влечению, нацеленному на осознание. При этом я не считаю, что первичной целью действующего здесь влечения является исключение чуждого. Такое понимание сходно с концепцией полярной пары влечений, из которой исходит Грунбергер (*Grunberger, 1971, 1988a, 1988b*), рассматривая полярность Нарцисса и Анубиса. Я имею в виду большее – то, что здесь действует тенденция к нерасчлененности; стремление, которое направлено на то, чтобы минимизировать и устранить различия. Последнее, правда, не является первичным влечением, которое я рассматриваю как нераздельную и поэтому неосознанную согласованность с визави, а представляет собой лишь неизбежность на пути достижения цели. В крайних случаях реализация этой тенденции ведет к тому, что другие люди лишаются их индивидуальных, присущих человеку свойств; они в этом смысле «анализируются», дегуманизируются, фекализируются. В процессе этого люди уравниваются, они де-дифференцируются, и их индивидуальность невозможно распознать. Как крайнее следствие этого, их надо сравнить с землей, они должны вылететь в трубу, как дым. Для этого подходит использование огня, который, между прочим, упоминается в классическом тексте Овидия, – это и есть та двойная ориентация нарциссизма, которая в этой связи была впервые

сформулирована Андреас-Саломе (Andreas-Salome) (ср. также *Bachelor*, 1959).

На мой взгляд, подобная тенденция с ее стремлением к элиминации чужого, другого, вездесуща, крайние формы ее выражения, вероятно, возможны всегда и везде, но требуют для реализации целого спектра детерминант и по этой причине представляют собой «крайние формы». Между тем, более легкие переходные формы ее встречаются все чаще. Встречаясь все чаще, они становятся все более естественными; их больше не классифицируют как нарушения. Сюда относится, к примеру, нарушение интимного пространства «общественных» и «частных» лиц: изображение мертвого Уве Баршеля осенью 1987 года по телевидению и на первых страницах газет попало в каждую квартиру; а когда в начале октября 1992 года Ельцин лишил власти Руцкого и Хасбулатова, в программах новостей восторженно показывали разоренный кабинет Хасбулатова, – то, что однозначно относится к его личной жизни: показали две бутылки водки и лекарства «против спазмов желудка», как сказал комментатор, а также личные фотографии этого человека, которому приписывались тоталитарные тенденции, и который был столь же тоталитарно лишен собственного интимного пространства. Кто следит за такими феноменами, тот встречается их на каждом шагу: сюда относится безжалостное принятие и рыночная продажа бывшего когда-то чернокожим мужчиной поп-музыканта, который на глазах общественности превращается в андрогена, так же, как и движение телекамеры, показывающей траур и отчаяние жертв катастроф.

ВЫВОДЫ

После краткого описания теоретически релевантных концепции нарциссизма позиций Андреас-Саломе и Розенфельда, разрабатывается наша собственная концепция понимания деструктивных сторон нарциссизма. При этом мы опираемся на позиции обоих авторов; мы связываем их друг с другом и расширяем. В обсуждаемой модели делается различие между содержанием конфликта и характерными модальностями переработки. В то время как содержание конфликта в процессе психосексуального развития представляется онтогенетически заданным, процесс задержки развития и/или конфликтных осложнений может привести к ограничению возможностей его переработки. Деструктивные стороны нарциссизма в предлагаемой модели проявляются каждый раз, когда возникает необходимость переработки эдиповой триангулярной проблематики, а средства, имеющиеся в наличии, неадекватны. Ограничения, которые в психодинамическом плане понимаются как функции «отца», убираются с дороги. На основе такого понимания представляются характерные картины заболевания. В заключение исследуются формы проявления деструктивных сторон нарциссизма в общественной жизни.

Перевод М.Б.Аграчевой

ЛИТЕРАТУРА

- American Psychiatric Association (1987): Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 3rd, revised. Am. Psychiatr. Ass., Washington DC.*
- Andreas-Salome G. (1921). Narzissmus als Doppelrehtung. Imago 7. S.361-386.*
- Bachelard G. (1938). Psychoanalyse des Feuers. Schwab-Veriah, Stuttgart (1959).*
- Bergeret J. (1974). La personalite normale et pathologique. Dunod, 2. Auflage Paris (1985).*
- Canzler P. (1994). «Wir sind der Hammer!» – Psychoanalytische Betrachtungen zum politischen Radikalismus. In: Seidler G.H. (Hrsg.): Das Ich und das Fremde. Klinische und soziapsychologische Untersuchungen zum destrucktiven Narzissmus. Westdeutscher Verlag, Opladen (1994), S.69-92.*
- Descartes R. (1637). Von der Methode. Übers. und brsgg. von Gaebe, L. Felix Meiner, Hamburg (1960).*
- Eicke-Spengler M. (1988). Uber Schuld- und Schamhefule bei Frauen. Zeitschrift fur psychoanalytische Theorie und Praxis 3, S.77-93.*
- Goldber C. (1991). Understanding Shame. Jason Aronson, Northvale, New Jersey.*
- Gress H., Achilles P., Seel D. (1994). Von Wandlungen und Anpassungen Ausdrucksformen des Narzissmus in Individuum und Gesellschaft. In: Seidler G.H. (Hrsg.): Das Ich und das Fremde. Klinische und soziapsychologische Untersuchungen zum destrucktiven Narzissmus. Westdeutscher Verlag, Opladen (1994), S.93-112.*
- Gruneberger B. (1988a). Narziss und Anubis. Die Psychoanalyse jenseits der Triebtheorie, Bd.1. Verlag Intenationale Psychoanalyse, Munchen (1988).*
- Gruneberger B. (1988b). Narziss und Anubis. Die Psychoanalyse jenseits der Triebtheorie, Bd.2. Verlag Intenationale Psychoanalyse, Munchen (1988).*
- Hornung E. (1990). Das Totenbuch der Aegypter. Artemis und Winkler, Munchen-Zurich.*
- Marcuse H. (1964). Der eindimensionale Mensch. In: Marcuse H. Schrifften. Bd.7. Suhrkamp Verlag, 1. Aufl., Frankfurt am Main (1989).*
- Mitscherlich A. (1963). Auf dem Wege zur vateriosen Gesellschaft. In: Mitscherlich A. Gesammelte Schriften III. Suhrkamp Verlag, 1. Aufl., Frankfurt am Main (1983).*
- Nathanson D.L. (1987). A Timeble for Shame. In: Nathanson D.L. (Ed.): The Many Faces of Shame. The Gillford Press, N.Y., London (1987), p.1-63.*
- Nathanson D.L. (1992). Shame and Pride. W.W.Norton & Company, N.Y.*
- Overbeck A. (1994). «Der Vater stinkt». Von der kulturellen Entwertung der Vaterrolle und dem Verlust der vaeterlichen Dimension in der Erz.*